

Илья Мурович и Калин-царь (6)

Што из далеча да из чиста поля,
Из того роздолья широкого,
Тут не грузна туча подымаласе,
Тут не оболоко накаталосе,
Тут не оболоко обкаталосе, —
Подымался собака-злодей Кáлин-царь,
За ним сорок царей, сорок царевичей,
За ним сорок королей, королевичей,
За ним силы мелкой числу-смету нет,
Как по-руському на сороки́ верстах.
Тут и Киев-град знаменуется,
А и церькви соборны оказываютсе,
Становил собака тут бел шатер.
У его шатра золоченой верх.
Он садился на стул на ременьчатой,
А писал ерлык, скоро написывал,
Он скорей того запечатывал.
Отдает послу немилосливу
А-й тому Борису-королевичу:
— Уж ты ой еси, Борис, королевич сын!
Уж ты будешь в городи в Киеви
У великого князя Владимирера, —
Не давай ты строку на малой час.

Ишшо тут Борис, королевич сын,
Он берет ерлык, во корман кладет,
Он ведь скоро скачёт на добра коня.
Он ведь едёт к городу Киеву,
Ко великому князю, ко Владимиреру.
Становил коня к дубову́ столбу,
Он вязал коня к золоту́ кольцю,
Он в гридню идет не с упадками, —
Отпираёт двери он на́ пятау;
Он в гридню идет,— богу не молитсе;
Через стол скочил, сам во место сел.

Он вымат ерлык, на стол кладет,
Ишша сам говорит таково слово:
— Ты Владимёр, князь стольне-киевьской!
Ты бери ерлык, распечатывай,
Ты скорее того прочитывай;
Ты меня, посла, не задерживай.

Как Владимёр, князь стольне-киевьской,
Он берет ерлык во свой руки,
Отдает Добрынюшки Микитичу.

Говорил Добрынюшка Микитич сын:
— Я не знаю грамоты латыньскойё.

Ты отдай Олеши Поповичу.

Отдают Олеши Поповичу.

(У того было мозгу в головы, дак...).

Как Алешичка и Поповиць сын

Он ведь скоро ерлык распечатывал,

Он скорее того же прочитывал,

Говорил как он таково слово:

— Ты Владимёр, князь стольне-киевьской!

Хорошо в ерлычки написано

А написано со угрозою,

А су той угрозой великою:

Как стоит собака-царь среди поля;

За им сорок царей, сорок царевичей,

За им сорок королей, королевичей,

За им силы мелкой числу-смету нет,

Как по-руському на сороки верстах.

Он ведь просит города Киева

Без бою, без драки, без сеченья

(Как нынешний ерманец),

Без того кроволитья великого.

Запечалился наш Владимир-князь.

Запечалился-закручинился:

Он повесил буйную голову

Што на ту на правую сторону,

Потупил он очи в мать сыру землю.

Как во ту пору, во то времечко

Выходил как стар казак Илья Мурович,

Говорил как он таково слово:

— Ты Владимёр стольне-киевьской!
Ты бери свои золоты ключи,
Отмыкай-ко погребы глубоки жа;
Ты насыпь ларец чисту золота,
Ты второй насыпь чиста сѣребра,
Ты третей ларец скатна земчуга;
Ты дари-ко Бориса-королевича,
Ты проси-ко строку на три месяца,
Штобы всем во городи покаяться,
Нам покаяться да исповедаться.

Ишша тут жа как Владимёр-князь
Он берет свои золоты ключи,
Отмыкаё погребы глубоки жа;
Он насыпал ларец чисту золота,
Он второй насыпал чиста сѣребра,
Он третей насыпал скатна земчуга,
Он дарит Бориса-королевича,
А просил ведь строку на три месяца,
Штобы всем во городи покаяться,
Нам покаяться да исповедаться.
Ишша тут Борис, королевич сын,
Не дает ведь строку на три месяца.
Он дает ведь строку только на три дня.

(Всё ж-таки дал!).

Спровожали Бориса-королевича,
Спровожали кнезя и бѣяра;
А во ту пору, во то времечко
Запечалился наш Владимёр-князь.
Запечалился-закручинился,
Он повесил буйную голову
Што на ту на праву сторону,
Потупил он очи в мать сыру землю.
Как во ту пору, во то времечко
Выходил как стар казак Илья Мурович,
Выходил на середу кирпичнею;
Он ведь молитсе спасу пречистому,
Он ведь божьей матери, богородице,
Он пошел Илья на конюшон двор,
Он берет своёго добра коня,

Он накладывает уздицу тасмянную.
Он вуздат во уздилиця булатные,
Он накладывал тут ведь войлучёк.
Он на войлучёк седельшко,
Подпрягал двенадцать подпруженёк,
А ишша две подпружки подпрягаючи
Он не ради басы, ради крепости,
А не сшиб бы богатыря доброй конь,
А не сшиб бы богатыря в чистом поли.
Он ведь скоро скачёт на добра коня,
У ворот приворотников не спрашивал,
А махал через стену городовую,
А и ехал он день до вечера,
А и темну ночь до белá свету.
Приезжает он ко меньшей реки,
Ко меньшóй реки, ко синю́ морю;
Он нашел тут тридцать три богатыря.
Он с добра́ коня слезываючи,
Он низкóй поклон им воздаваючи:
— Уж вы здрастуйте, дóньски кáзаки!
— Уж ты здрасвуёшь, наш ведь батюшко,
Уж ты стар казак да Илья Мурович!
Ты давно ли из города Киева?
А и всё ли у нас там по-старому,
А и всё ли у нас там по-прежнему?
Говорит как тут да Илья Мурович:
— Уж вы ой еси, дóньски кáзаки!
И во городи у нас, во Киеви
Не по-старому, не по-прежнему;
Как стоит царь-собака среди поля,
За им сорок царей, сорок царевичей,
За им сорок королей, королевичей,
За им силы мелкой числу-сметы нет,
Как по-руському на сороки́ верстах.
Он ведь просит города Киева
Без бою, без драки, без сеченья,
Без того кровопролитья великого.
Говорил как тут да Илья Мурович:
— Уж вы ой еси, дóньски кáзаки!

Уж вы будете стоять ле за Киёв-град,
Вы за те церькви соборные,
Вы за те монастыри церьковные,
За того за князя за Владимира?

Говорят как тут доньски казаки:
— Уж ты батюшко наш, стар казак!
Ишша как не стоять нам за Киёв-град,
Нам за те за церькви соборные,
Нам за те монастыри церьковные,
За того за князя за Владимира?

Они скоро скачут на добрых коней
И поехали к городу к Киеву,
Ко великому князю ко Владимиру.
И поехало тридцеть три богатыря, —
Затрясласе матушка сыра земля.
Они будут в городи в Киеви,
У великого князя у Владимира.
Зрадовался тут Владимир-от,
Он на радощах им и пир срядил,
Он и пир срядил, пировати стал.
Ишше все на пиру напивалисе,
Они все на чесном наедалисе.
Как один на пиру не упиваитсе
А и стар казак да Илья Мурович;
Ишша сам говорил таково слово:
— Уж вы ей еси, доньски казаки!
Нынь приходит времечко строчней.
А кому у нас нынче ехати
На ту ли силу неверную?

Говорят как доньски казаки:
— Уж ты батюшко наш, стар казак!
Ты останьсе в Киеви в городе
Стерегчи-сберегчи кнезя Владимира!

Говорил как тут да Илья Мурович:
— Тут не честь-хвала молодецкая,
Ой не выслуга богатырская
Как Илейки в Киеви остатисе.
Будут малы робята все смеятисе.

Ишша тут Илья поезжаёт жа

А на ту силу неверную.
Он берет с собою только товаришша,
Он берет Добрынюшку Микитича;
И берет ведь второго товаришша,
Он Тороп-слугу да мала пáруха;
Он троима тут поезжаёт ведь
Он на ту на силу неверную.
А выходят на середу кирпичнею
Они молятся спасу пречистому,
Они божьей матери, богородици;
Они скоро скачут на добрых коней,
У ворот приворотников не спрашивали, —
Они машут через стену городовую.
Они едут как по чисту полю, —
Во чистом поли курева стоят,
В куревы богатырей не видети.
Выезжают на поле чистое
А на ту силу неверную.
Ишша тут два братця испужалисе,
Испужалисе-устрашилисе
Они той ведь силы неверною;
Говорят они таково слово:
— Уж ты батюшко наш, стар казак!
Ты поставь этта нам бел шатер.
Дай ты нам опочін дёржать;
 Как поставил Илья тут им бел шатер.
Ишша дал ведь им опочін дёржать.
Сам он тут им ведь наказывал,
А наказывал, наговаривал:
— Ой еси, вы два братця родимые!
Уж вы ой еси, дóньски кáзаки!
Как Елейки худо будё можиться, —
Натяну я стрелочку каленую,
Я спушшу этта вам во бел шатер;
Уж вы гоните тогды во всю голову,
Вы рубите старого и малого.
 Ишша сам Илья думу думаёт:
Он не знает, котору да ехати;
Он поехал силой середкою;

Поворотитсе, — дак переулками!
Он ведь день рубился до вечера,
Он и темну ночь до белá свету,
Не пиваючи, не едаючи,
А добру коню отдóху не даваючи.
Как Илейки стало худо можитьсе, —
Натянул он стрелочку каленую,
Он спустил богатырям во бел шатер,
Ишша тут богáтыри ото сну скочили,
Они скоро скачут на добрых коней,
Они гонят тут во всю голову,
Они рубят старого и малого.
Они день рубились до вечера,
Они темну ночь до белá свету,
Не пиваючи, не едаючи,
А добрым коням отдóху не даваючи;
А прибили всех до единого.
Ишша тут два братця не натешились,
Не натешились, приросхвастались.
А один говорил таково слово:
— А было б в матушки, в сырой земли,
А было бы в ей золото кольцё, —
Поворотил бы матушку сырú землю.

А другой говорил таково слово:
А была бы на небо листвиця,
Я прибил бы там до единого.
По грехам по их так ведь сделалось:
А которой сечен был нáдвое,
А восстало тут два тотарина;
А которой сечен был нáтрое,
И восстало тут три тотарина.
Говорит как тут да Илья Мурович:
— Уж вы гой еси, два братёлка!
По грехам по нашим так сделалось.

Они поехали силой середкой;
Поворотятсе, — дак переулками!
Они бились день да до вечера,
Они тёмну ночь до белá свету,
Не пиваючи, не едаючи,

А добрым коням отдóху не даваючи;
И прибили всех до единого.
Ишшо тут два братця где девалисе,
Я не знай, куда подевалисе
(За похвасны слова скрозь землю прошли),
А один Илья оставайтсе.

Он поехал к городу ко Киеву,
Ко великому князю ко Владимиру.
*(Дальше не поетця, а говоритця...
Дедушко так...).*

Становил коня к дубову столбу,
Он взял коня к золоту кольцю,
Он в гридню идет не с упадками, —
Отпираё двери он на́ пятау;
Он ведь молитсе спасу пречистому,
Он ведь божьей матери, богородици,
Он Владимиру-князю поклоняйтсе:
— Ты Владимёр-князь стольне-киевьской!
Ишша то ведь дело у нас сделано,
Ишша та роботушка сроблена.
Только не знать, где два братця девалисе,
И не знать, куда потерялисе.
Как перва они да испужалисе,
А потом они не натешились,
Не натешились, приросхвастались,
А один говорил таково слово:
«А было бы в матушки в сырой земли,
А было бы в ей золото кольцё, —
Поворотил бы матушку сырú землю,
Я прибил бы там до единого».
А другой говорил таково слово:
«А была бы на небо листвиця,
Я прибил бы там до единого».
По грехам по нашим так сделалось:
А которой сечен был на́двое,
А восстало тут два тотарина;
А которой сечен был на́трое,
А восстало тут три тотарина.
Говорит как тут Владимёр-князь:

— Ишша нет как их, — дак не искать же стать.

Он на радощах тут и пир срядил,
Он и пир срядил, пировати стал.

(Записано в 1915 году О. Э. Озаровской от пинежской сказительницы Марии Дмитриевны Кривополеновой, 82 лет.)

О. Э. Озаровская. Бабушкины старины. Изд. 2-е, М., 1922.